

ЧТО СУЛИЛА АНГЛИЧАНАМ ВОЙНА
ЗА ФРАНЦУЗСКУЮ КОРОНУ
В XIV–XV ВВ.?

Е. В. Калмыкова

Одной из старейших проблем, рассматриваемых в историографии Столетней войны, по праву может считаться вопрос об истинных причинах данного конфликта. Продолжительные научные споры, так и не завершившиеся победой ни одной из сторон, надолго отвратили исследователей от обсуждения указанной темы¹. В свою очередь, мне бы тоже хотелось, не касаясь ее, сосредоточиться на сюжетах, связанных с восприятием Франции подданными английской короны и отношением англичан к начатой их государем войне на континенте.

Готовясь к большой войне во Франции, английский король Эдуард III с 1337 по 1340 гг. издал целую серию обращений к собствен-

Елена Викторовна Калмыкова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова.

¹ См.: *Deprez M.* Les preliminaries de la guerre de Cent Ans. La Papauté, La France et l'Angleterre, 1328–1342. P., 1902; *Tout T.* France and England. Their Relations in the Middle Ages and Now. Manchester, 1922; *Perroy E.* La guerre de Cent ans. P., 1945; *Burne A.* The Crecy War. L., 1955; *Templeman G.* Edward III and the Beginnings of the Hundred Years War // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol. 2 (1952). P. 70–81; *McKisack M.* The Fourteenth Century 1307–1399. Oxford, 1959; *Le Patourel J.* Edward III and the Kingdom of France // History, Vol. 43. (1958). P. 173–189; *Idem.* The Treaty of Bretigny // Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol. 10 (1960). P. 19–40; *Idem.* The Origins of the War // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., N.-Y., 1971. P. 31–45; *Idem.* Feudal Empires, Norman and Plantagenet. L., 1984; *Fowler K.* The Age of Plantagenet and Valois. The Struggle for Supremacy 1328–1498. N.-Y., 1967; *Vale M.* English Gascony, 1399–1445. Oxford, 1970; *Idem.* The Origins of the Hundred Years War. The Angevin Legacy, 1250–1340. Oxford, 1996; *Seward D.* The Hundred Years War. The English in France, 1337–1453. L., 1978; *Lloyd A.* The Hundred Years War, L., 1977; *Sumption J.* The Hundred Years War. Trial by Battle. Vol 1. L., 1990; *Curry A.* The Hundred Years War, L., 1993.

ным подданным, в которых не только доказывал законность своих притязаний на французский престол, основанных на естественном и божественном праве, но и сообщал о коварных замыслах противника, замыслившего лишить его всех владений на континенте, а также завоевать саму Англию и поработить ее жителей². Таким образом, официальная королевская пропаганда призывала англичан не только выполнить вассальный долг, отвоевав у узурпатора наследство их государя, но и защитить себя и свои дома от жестокого врага.

Довольно быстро в английской пропагандистской литературе сложился амбивалентный образ французов и самого Французского королевства. С одной стороны, враждебная Франция, внушавшая миролюбивым англичанам ужас и отвращение, была достойна всяческого порицания. Она отвергла своего «истинного», посланного Богом, законного короля, наделенного всевозможными достоинствами и постоянно пекущегося о благе своих подданных, и предпочла подчиниться «узурпатору». Анонимный поэт, уподобляя Францию неверной женщине, хищнице, ядовитой змее и другим мерзким тварям, говорил о ней:

«Чрезмерно гордая, неблагодарная, алчность таящая,
Преступлениями зараженная, презренная, страх порождающая»³.

Население Франции погрязло, по мнению англичан, во всех смертных грехах и пороках, а посему в полной мере заслужило кары Господни. Богослов Джон Эргом в комментарии к анонимному пророчеству, возможно написанному им самим, заявлял, что Бог решил покарать французов так же, как покарал Вавилон во времена Кира: «их поля и виноградники истощились, а их города, некогда процветавшие, обнищали и разрушены войной», в довершении всего на них была наслана чума, унесшая седьмую часть населения⁴.

С другой стороны, Франция и ее население изображались жертвами, страдавшими под властью тирана, а их «освобождение» трактовалось как исполнение христианского долга милосердия. Английские историографы и поэты всячески подчеркивали жестокость и произ-

² Калмыкова Е. В. Официальная пропаганда английской внешней политики в XIV–XV вв. // Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Под ред. Н. А. Хачатурян. М. 2004. С. 81–113; *Она же*. Война за французскую корону, как божественное право и священный долг королей Англии // Искусство власти. Под ред. О. В. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 132–163.

³ An Invective against France // English Political Poems / Ed. T. Write. Oxford, 1854–1856. Vol. 1. P. 26.

⁴ John of Bridlington // Ibid. P. 178.

вол французских государей по отношению к собственным подданным. Хроники полны сообщений о том, что французы, притесняемые своими королями, вынуждены искать убежище в Англии. Не менее распространенным является сюжет о страданиях несчастных подданных, брошенных на произвол судьбы королями из династии Валуа. Тема спасения населения Франции, изнывающего от тирании, разрабатывалась англичанами и на уровне визуальной пропаганды. В этом отношении довольно показательна сцена Благовещения, размещенная на аверсе солида Генриха VI: Дева Мария держит французский герб, а архангел Гавриил — английский⁵. Таким образом, идея мира и объединения двух королевств подкреплялась аллегорическим прочтением: ангел (Англия) объявлял Деве (Франции) о приходе Спасителя, то есть истинного правителя.

Впрочем, следует признать, что сложные аллегории и образы существовали исключительно на уровне пропагандистских текстов и исторических сочинений. Помимо благородного желания исполнить свой вассальный и христианский долг для большинства англичан должны были существовать иные причины для того, чтобы рисковать жизнью вдали от дома. И причины эти были весьма далеки от тех, которые провозглашались в поэмах и исторических сочинениях. Война во Франции в первую очередь представлялась англичанам удачным шансом улучшить материальное положение или повысить свой социальный статус. Сама служба в королевской армии оплачивалась весьма щедро: например, простой лучник получал 6 пенсов в день, а раз в квартал производились дополнительные выплаты, именуемые «уважением» (*regard*)⁶. Каждый наемник заключал на определенный срок договор с возглавлявшим отряд капитаном, который в свою очередь подписывал контракт с королем или предводителем похода. Разумеется, время от времени государи, оказываясь в тяжелой финансовой ситуации, тянули и откладывали сроки выплаты, что вызывало у солдат обоснованное недовольство. Однако такие конфликты неизменно улаживались, а наемники договаривались о новых сроках службы.

⁵ *Elias E. R. D.* The Anglo-Gallic Coins. L., 1984. 270b (P.239); 268d (P.241).

⁶ См.: *Hewitt H. J.* The Organization of War under Edward III. 1338–1362. N.-Y., 1966. P.34; *Hunnisett R. F.* The Medieval Coroner. Cambridge, 1961. P.68–77; *Keen M.* Outlaws of Medieval England. L., 1961; *Allmand C. T.* War and Profit in the Late Middle Ages // *History Today*. Vol. 15 (1965). P.762–769; *Powicke M. R.* Military Obligation in Medieval England. A Study in Liberty and Duty. Oxford, 1962; *Powicke M. R.* Lancastrian Captains // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson*. Ed. T.A. Sandquist and M.R. Powicke. Toronto, 1969. P.371–382.

Для определенной категории людей существовал другой вид контракта: осужденные за тяжкие преступления — воровство и убийство, а также находившиеся вне закона люди получали королевское помилование в обмен на участие в войне. В самом начале конфликта Эдуард III объявил о том, что преступники могут искупить содеянное ими путем «достойной службы» во имя божественной справедливости. Чтобы дать представление о количестве подобных солдат в армии, приведу несколько цифр: в 1339–1340 гг. было подписано 850 хартий о прощении, осенью 1360 г. и в 1361 г. — более 260. Одним словом, в разное время преступники составляли от 2% до 12% армии, при этом три четверти из них были осуждены за убийство⁷.

Идея искупления грехов через участие в войне за правое дело получила дальнейшее развитие. В наиболее критических ситуациях война с Францией приравнивалась для англичан к крестовому походу. Так, в 1360 г., когда «иноземные пираты под предводительством графа Сен-Поля разграбили побережье Англии, творя различные бесчинства и похищая женщин и девушек»⁸, Эдуард III объявил всеобщую мобилизацию «мирян всех сословий от шестнадцати до шестидесяти лет». «Архиепископы и епископы даровали прощение грехов всем, кто отправился за море сражаться с врагами для защиты королевства... Также епископы, аббаты, приоры, ректоры, викарии, капелланы и все священники были готовы, в соответствии с их способностями... быть кто латником, кто лучником. И представители приходского духовенства, которые не могли явиться лично, должны были снабжать других за свой счет»⁹. Результатом этого похода стало основательное опустошение Франции, а также осада Парижа.

В 1383 г. епископ Нориджский возглавил крестовый поход против сторонников антипапы Климента VII, поддерживаемого французами. Папа Урбан VI издал буллы, приравнивающие борьбу со схизматиками к походу в Святую Землю. Согласно этим буллам, полное отпущение грехов получали не только те, кто непосредственно отправлялся вместе с епископом, но и все те, кто внес какое-либо пожертвование на поход¹⁰. Как отмечают хронисты, все англичане, особенно женщины,

⁷ Hewitt H.J. Op. cit. P.30–31.

⁸ Knighton, Henry. Chronicle 1337–1396. Ed. G.H.Martin. Oxford, 1995. P.174; Gray, Thomas of Heton. Scalacronica (ed. H.Maxwell), Glasgow, 1907. P.152–153; Reading, Johannis de. Chronica/Ed. J.Tait.Manchester, 1914. P.135.

⁹ Knighton. P.174.

¹⁰ Chronicon Westmonasteriense. P.31; Knighton. P.324.

старались пожертвовать на поход как можно больше, отдавая деньги, золотую и серебряную посуду, драгоценности, снаряжая целые отряды латников, порой «отдавая гораздо больше, чем могли себе позволить»¹¹.

Для наемников помимо жалования существовало несколько верных способов улучшить свое благосостояние. Во-первых, солдаты получали вознаграждения в виде денег и ленных владений за проявленную в боях смелость. Во-вторых, в случае удачи можно было серьезно обогатиться за счет выкупа знатных пленников. Суммы выкупов подчас были просто баснословными: например, сэр Томас Холланд получил в качестве выкупа за графа д'Э 80 тысяч флоринов¹². Известно, что рыцарские поединки редко заканчивались летальным исходом, ибо целью сражающихся была победа, а не убийство противника.

Впрочем, захват достойного пленника вовсе не гарантировал скорого обогащения, более того, не гарантировал обогащения вообще. Обладая правом распоряжаться всеми пленными без исключения, государь обычно забирал себе коронованных особ, принцев крови, а также некоторых других знатных или знаменитых людей. Лица, непосредственно их захватившие, получали от короля вознаграждение¹³, значительно уступавшее сумме выкупа.

Во время продолжительных походов сберечь свою добычу было очень непросто. Например, в 1415 г. во время марше на Кале армия Генриха V терпела такие лишения, что англичанам приходилось обменивать на пропитание трофеи и пленников, захваченных при Арфлере и Азенкуре, что неизбежно приводило к девальвации ценностей. Как отмечал непосредственный свидетель тех событий французский хронист Жан Ворен: «Многие освобождали пленников за небольшой выкуп или отпускали их под честное слово, и в то время из-за недостатка [продовольствия — *Е. К.*] приходилось отдавать десять ноблей вместо четырех, и неважно было сколько стоил хлеб, лишь бы была еда»¹⁴.

Сбор денег на выкуп мог затягиваться на весьма длительные сроки: как известно, плененный в 1356 г. в битве при Пуатье король

¹¹ Knighton. P.324.

¹² Crecy and Calais from the Public Records. Ed. by G.Wrottesley. L., 1898. P.269.

¹³ Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates/Ed. Th.Rymer. L., 1816–1869. Vol 2. Pt. 2. P.970, 984, 992; Denys H. The Division of the Spoils of War in Fourteenth-century England//Transactions of the Royal Historical Society. 5th ser. Vol.4 (1954). P.99–100.

¹⁴ Waurin J. Recueil des Croniques et Anchiennes Istories de la Grant Bretagne... / Ed. W.Hardy and E.L.C.P.Hardy. L., 1864–1891. Vol.5. Livre 1. P.220–221.

Франции Иоанн Добрый так и умер в неволе в 1364 г. Пленников превращали в своеобразные живые векселя: ими спекулировали, подчас неоднократно перепродавая и обменивая. Иногда права на пленника предъявляли несколько сторон, спор между которым мог продолжаться долгие годы¹⁵. Тем не менее, рассказы о счастливых обогащениях удачливых воинов способствовали тому, что участники сражений первым делом устремлялись к выделявшимся своими доспехами знатым рыцарям, видя в них потенциальный источник дохода. Для сохранения дисциплины военачальникам даже приходилось издавать указы, запрещавшие охрану пленников во время боя¹⁶.

Стоит также отметить еще один вид доходов, существовавший в Столетнюю войну, несмотря на суровые осуждения знатоками канонического права. Речь идет о несанкционированных поборах и грабежах мирного населения. Капитаны гарнизонов регулярно совершали небольшие рейды с целью пополнения запасов продовольствия и обогащения. В ходе таких набегов солдаты нередко похищали мирных жителей и держали их в плену до получения выкупа. Например, в 1385 г. англичане из Кале захватили в Пикардии 25 пленников, а также 4000 овец и коров, после чего «в Кале стало так много животных, что овца стоила всего 2 гроута (4 пенса)»¹⁷. Порой фиксированные поборы деньгами и провиантом назначались в обмен на гарантии сохранности того или иного населенного пункта. Так, в 1359 г. город Оксеруа откупился от бригадов под командованием Роберта Ноллиса, заплатив 40 тыс. золотыми мутонами¹⁸ и еще 100 тыс. жемчугом.

Английские короли стремились хотя бы формально снять с себя ответственность за подобные правонарушения и регулярно издавали указы с целью ограничить грабежи и насилия, чинимые их подданными. Уже в 1340 г., видя бедствия жителей Нормандии, Эдуард III «приказал, чтобы никто не осмеливался поджигать города или селения, грабить церкви и святые места, причинять вред маленьким детям и женщинам в его королевстве или во Франции; такие нападения на других людей, кроме мужчин, или причинение какого-либо вреда караются смертью либо членовредительством. Он также постановил, что за привод к нему всякого, нарушившего этот указ, полагается

¹⁵ Keen M.H. The Law of War in the late Middle Ages. L., 1965. P.156–185.

¹⁶ Register of Edward, the Black Prince. Ed. M.C.B.Dawes. L., 1930–1933. Vol.4. P.97, 338.

¹⁷ The Westminster Chronicle 1381–1394. Ed. V.F.Harvey. Oxford, 1982. P.352–354.

¹⁸ Золотая монета с изображением агнца.

вознаграждение в 40 шиллингов»¹⁹. Подобные указы, не раз выпущенные Эдуардом и его преемниками, тем не менее, мало способствовали обеспечению безопасности населения охваченных войной территорий. По мнению Т. Райта, не подтвержденному, правда, статистическими данными, выкупы, взимаемые с мирного населения, преобладали над военными²⁰.

Порой военачальники приказывали войскам уничтожать все на своем пути. Такая акция называлась разорением (*vastare*). Она сопровождалась поджогами и, в отличие от грабежа (*expilare*), преследовала, прежде всего, стратегические цели. Например, по мнению английских хронистов, миролюбивейший Эдуард III опустошал французские земли исключительно для того, чтобы вынудить Филиппа Валуа на битву²¹. С этой же целью в 1355 г. Черный Принц приказал разорить графство Арманьяк²². Согласно сообщениям историографов, совпадающим в данном случае с мнением некоторых современных исследователей, принц Эдуард приказал «опустошить всю стану, чтобы вызвать французов на сражение»²³, к которому он всячески стремился и от которого неизменно уклонялся Иоанн II. В одном из писем принц так описывал продвижения своего войска: «И мы взяли путь на Тулузу через землю, на которой много хороших городов и крепостей было сожжено и разрушено, ибо эта земля была очень богата и изобильна; и не было дня, чтобы мы не брали в сражениях городов, замков или крепостей»²⁴. Когда жители Каркассонна ради спасения города и округи от разорения предложили ему «в качестве выкупа» вино, продовольствие, а также 250 000 золотых экю, принц ответил, что «войдет не за золото, но, одаривая справедливостью, чтобы не покупать, а получить город». Однако, поскольку французы отказались «покориться

¹⁹ *Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine Paris, 1355–1356, 1362–1370. P., 1894. App.1. P.160.*

²⁰ *Wright N.A.R. Ransoms of Non-Combatants during the Hundred Years War // Journal of Medieval History. Vol.17 N 4 (1991). P.320–329.*

²¹ *Burton, Thomas. Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione usque ad Annum 1396. Ed. E.A.Bond. L., 1866–1888. Vol.3. P.41, 50; Avesbury, Robertus de. De Gestis Mirabilibus Regis Edwardi Tertii. Ed. E.M.Thompson. L., 1889. P.363.*

²² *Baker, Galfridi le de Swynebroke. Chronicon. Ed. E.M.Thompson. Oxford, 1889. P.128.*

²³ *Reading. P.122; Avesbury. P.429; Bel, Jean le. Chronique. Ed. J.Viard and E.Déprez. Société de l'Histoire de France. P., 1904–1905. Vol.2. P.214; Rogers C.J. War Cruel and Sharp: English Strategy under Edward III, 1327–1360. Woodbridge. 2000. P.296–301.*

²⁴ *Avesbury. P.434.*

своему подлинному господину», он на следующий день сжег город²⁵. Помимо провокационных целей подобные опустошительные походы (в 1355 г. Черный Принц прошел около 600 миль, в следующем году королевская армия проделала около 500 миль) носили также характер акции устрашения, доказывая действием, что не существует силы, способной противостоять английскому воинству. Неслучайно, в донесениях отцу принц упоминал о том, что, услышав о приближении его армии, французы бегут из городов²⁶.

Богатство французских земель делало вполне реальной для англичан перспективу возвращения на родину состоятельными людьми: например, город Барфлер и его округа, по оценке Джеффри Ле Бейкера, были настолько изобильны, «что даже мальчишки и крестьяне имели хорошую меховую одежду»²⁷. Безусловно, эту характеристику не следует воспринимать буквально, но в данном случае показательной является даже гипербола, поскольку она выражает прочно укоренившуюся в сознании англичан идею таящихся во Франции богатств, которыми можно овладеть в ходе военных действий. Подводя итог разграблению города Сен-Ло, тот же хронист заметил: «Трудно даже представить огромное богатство, которое было там захвачено, особенно в одежде; одежда там стоила очень дешево, если вообще находились покупатели»²⁸.

Не полагаясь на щедрость своих командиров, а также, не желая выплачивать причитающуюся короне треть всех трофеев, солдаты нередко утаивали самые ценные предметы от начальства. Например, по свидетельству Ле Бейкера, после высадки в Нормандии в 1346 г. английские солдаты честно занесли в предоставленные королю списки все продовольствие, отобранное у местного населения, но «не известили ни короля, ни его военачальников о золоте и серебре, которое они получили; они оставили это для себя»²⁹. Историограф рассказывает о том, что за английской армией вдоль побережья двигались специальные суда, на которых везли награбленные сокровища³⁰. После взятия Кана английским солдатам было разрешено взять на корабли «только драгоценные одежды или очень ценные украшения»³¹. Как за-

²⁵ Le Baker. P.132–133.

²⁶ Avesbury. P.434.

²⁷ Le Baker. P.95.

²⁸ Ibid. P.96.

²⁹ Ibid. P.59.

³⁰ Ibid. P.80.

³¹ *Moisant J. Le Prince Noir en Aquitaine. P., 1894. App.1. P.167.*

метил прославленный хронист первой половины XV в. Томас Уолсингем, в Англии «не было женщины, не имевшей одежды, украшений, посуды из Кана, Кале или других заморских городов. В каждом доме можно было увидеть скатерти и льняное полотно. Замужние женщины украшали себя драгоценностями французских дам, и если последние сожалели об утраченном, то первые радовались их приобретению»³². Ежегодно английские суда отправлялись к Ла Рошели для того, чтобы перехватывать перевозимые морем вина, в результате чего в Англию поступило много отличного вина, стоившего совсем дешево³³. Наиболее ярко настроения англичан того времени выразил современник Уолсингема цистерцианец Томас Бертон: «И было тогда общее мнение народа, что пока английский король будет пытаться завоевать французское королевство, они будут процветать и благоденствовать, возвращение же сулит упадок и вред»³⁴.

После того, как в марте 1357 г. король Эдуард подписал в Бордо перемирие с Иоанном II³⁵ и вместе со своей армией отплыл в Англию, боевые действия во Франции так и не прекратилась. Многие англичане, видя, сколь выгодным делом является мародерство, отказались вернуться к мирной жизни. Вместе с представителями других народов (бретонцами, нормандцами, пикардийцами и т. д.) они, объединившись в разные по численности отряды и шайки, продолжили разорять французские земли. В середине XIV в. английский рыцарь Томас Грей следующим образом описывал действия бригаандов: «Они обложили данью всю Нормандию и близлежащие земли, захватив прекрасные крепости в Пуату, Анжу, Мене, в самой славной Франции (Иль-де-Франс — *Е. К.*) в шести лье от Парижа. Они разошлись по столь многим местам в разных частях страны, что никто не мог прекратить сражения и пресечь действия армий, которые нападали на них тогда; они были столь активны, что все христиане пребывали в изумлении»³⁶. Время

³² *Walsingham, Thomas*. *Historia Anglicana. Chronica Monasterii S. Albani*. Ed. H. Rily. L., 1863–1864. Vol. 1. P. 292.

³³ *The Westminster Chronicle*. P. 152, 180–182, 196, 352–354; *Walsingham*. Vol. 2. P. 154–155; *Capgrave, John*. *The Chronicle of England*. Ed. F. Ch. Hingeston. L., 1858. P. 243–244; *Fabyan, Robert*. *The New Chronicle of England and France by Robert Fabyan, Named by Himself the Concordance of Histories*. Ed. H. Ellis. L., 1811. P. 533; *Historia Vita et Regni Ricardi II*. Ed. T. Hearne. L., 1729. P. 77–78; *The Brut or the Chronicles of England*. Ed. W. C. Brie. L., 1906–1908. Vol. 2. P. 341.

³⁴ *Burton*. Vol. 3. P. 68.

³⁵ *Foedera*. Vol. 3. Pt. 1. P. 133–136.

³⁶ *Ibid.* P. 130–131.

от времени отряды бригаандов могли объединяться в крупные армии, которые потом распадались. При этом могло случиться так, что бывшие соратники должны были воевать друг против друга.

Одним из самых удачливых капитанов бригаандов был сэръ Роберт Ноллис, ставший истинным героем своего времени. Происходивший из незнатного чеширского рода, он начал военную карьеру в 1341 г. на службе у союзника англичан Жана де Монфора, соперничавшего за герцогство Бретонское с Карлом Блуаским. К середине 1350-х годов Ноллис был уже рыцарем, капитаном наемников и фактическим хозяином многих захваченных им замков. Во главе своей армии Ноллис прошел всю Францию от Бреста до Авиньона. Его имя наводило ужас на французов и стало символом грандиозного успеха для англичан. Сообщая о действиях Ноллиса, хронист Генрих Найтон особо подчеркивал, что тот смог добиться славы и богатства исключительно собственным воинским талантом: «Он был простым солдатом, но со временем стал великим рыцарем и могущественным лордом, коннетаблем многих замков, крепостей и городов во Франции», в его отряде «не было там ни одного бедного англичанина, но все имели золото, серебро, драгоценности и дорогие вещи, и были богатыми людьми»³⁷.

После заключения мира в Бретињи Ноллис и его товарищи объявили все захваченные ими территории собственностью короля Англии, получив замки и крепости обратно на правах держаний. Генрих Найтон, уделявший больше внимания деяниям бригаандов, чем другие хронисты, так описал этот поступок: «Затем Роберт Ноллис отправил послание в Англию о том, что все, что он захватил во Франции — замки, города, товары и остальное, он желает добровольно передать королю, своему сеньору, дабы тот распоряжался всем по своему усмотрению. И он просил короля распространить на него свою власть и благосклонность, и он доставил этим большую радость королю и всем его сыновьям»³⁸. Однако подобный шаг не побудил английских авторов переоценить деяния мародеров и трактовать их как подвиг верных подданных короля Эдуарда во имя восстановления законных прав своего монарха и полного торжества справедливости. Смены акцентов не произошло. Все хронисты без исключения делали упор на тему социального восхождения Ноллиса благодаря войне. Происхождение Ноллиса из самых низов общества придавало произошедшей с ним метаморфозе еще большую значимость. Так, Уолсингем говорил о нем

³⁷ Knighton. P.164.

³⁸ Ibid.

как о «бедном и смиренном слуге, который стал великим военачальником и добыл королевское богатство»³⁹.

По свидетельству историков, образ Роберта Ноллиса — бедного простолюдина, который лишь благодаря своей воинской доблести получил рыцарское звание, огромное состояние, а также славу героя и гордости всей Англии, оказался весьма притягательным для широких слоев населения. Простой мародер превратился в национального героя, с которого берут пример и на которого мечтают походить многие соотечественники. По мнению англичан, присоединение к отрядам бригад было верным способом не только добиться благосостояния, но и улучшить свой социальный статус. Напомню, что английское рыцарство не являлось замкнутым сословием, ведь каждый свободный владелец манора с доходом 20 фунтов и выше был обязан становиться рыцарем. Война сулила перспективы, которые не могли не привлекать все новых и новых искателей славы и легкой наживы. В своей хронике Генрих Найтон неоднократно подчеркивает, что среди воевавших во Франции было предостаточно простолюдинов и слуг, которые «стали опытными рыцарями и возвратились домой богатыми людьми»⁴⁰. Его младший современник и непосредственный свидетель описываемых событий сэр Томас Грей также отмечал, что бригады «были лишь сборищем простолюдинов, молодых парней, чье положение до сих пор было весьма незначительным, но которые стали чрезвычайно богатыми и искусными в этом виде войны, поэтому молодежь из многих частей Англии присоединялась к ним»⁴¹. Миф о Ноллисе — это «демократический» миф о человеке, который воспользовался войной, чтобы добиться многого. Этот герой был притягателен именно как образец для подражания. Именно поэтому массовое сознание деаноблировало его происхождение, подчеркивая доступность данной модели поведения.

Особенности восприятия англичанами войны во Франции ярко проявляются в их отношении к наградам в виде ленных владений. Вновь обращусь к примеру Ноллиса как одного из самых удачливых, но при этом совершенно типичных наемников. Как уже упоминалось, на протяжении всей войны Жан де Монфор и Эдуард III подтверждали права Ноллиса на захваченные им замки. Однако при всем благоволении коронованных особ у Ноллиса, а также у других «солдат удачи» любого социального статуса, не было шансов закрепиться среди фран-

³⁹ Walsingham. Vol. 1. P.286.

⁴⁰ Knighton. P.160.

⁴¹ Gray. P.130–131.

цузских сеньоров. Условия заключенного в 1360 г. между Эдуардом III и Иоанном II мира в Бретиньи и подписанного Жаном де Монфором с Карлом V в 1365 г. перемирия в Геранде предусматривали возвращение захваченных замков их законным владельцам. Часть замков была передана безвозмездно, но в некоторых случаях новым владельцам удавалось получить денежную компенсацию. После ряда неудачных попыток отстоять свои французские владения, Ноллис и ему подобные, кто раньше, а кто позже, осознали зыбкость завоеванного благосостояния. Престав бороться за французскую недвижимость, Ноллис с 1368 г. начал скупать земли и дома в Англии. Он оставался на службе у де Монфора еще много лет, а в 1370 г. возглавил армию английского короля, возобновившего войну за французское наследство. Но отныне все полученные на континенте трофеи воспринимались им исключительно как богатство, которое следует вывезти в Англию. Война во Франции у англичан XIV в. прочно ассоциировалась с процветанием их собственной страны, которое обеспечивал собственно процесс военных действий, а не призрачный конечный результат.

Более того, сама мысль о возможном завоевании Франции внушала англичанам серьезные опасения. Вскоре после объявления парламенту о принятом решении провозгласить себя королем Франции Эдуард III был вынужден издать статут о сепаратном владении обоими королевствами, призванный успокоить его английских подданных: «Мы... обещаем, повелеваем и утверждаем для нас и для наших потомков и наследников с согласия прелатов, графов, баронов и общин нашего королевства Англии... что наше королевство Англия и его народ... никогда не попадут в подданство или подчинение нас, наших потомков и наследников, как королей Франции...»⁴². Восемьдесят лет спустя, в декабре 1420 г., когда мир в Труа сделал объединение двух королевств реальным, парламент потребовал от Генриха V подтверждения статута 1340 г.⁴³. Эти документы, а также дальнейшая история управления континентальными владениями, свидетельствуют о том, что Эдуард III с самого начала отказался от идеи слияния корон и создания единого англо-французского государства. Подобной политики придерживались и его потомки. Для английских королей земли Плантагенетов всегда существовали отдельно от наследия Капетингов. Две короны должны были сосуществовать вместе, но не объединяться. Следует подчеркнуть, что выраженное парламентом «требование народа», опасавшегося

⁴² Statutes of the Realm. Ed. A.Ludens. L., 1810–1828. Vol.1. P.292.

⁴³ Rotuli Parliamentorum. Ed. J.Strachey et al. L., 1895–1910. Vol.6. P.125, 127.

объединения двух королевств, свидетельствует о достаточной зрелости национальных чувств. Англичан страшила угроза доминирования в едином королевстве более многочисленных французов, что могло постепенно привести к подчинению Англии и ее населения. Желая защитить себя от этой опасности, подданные английской короны настаивали на законодательном закреплении собственной независимости.

Входившие в состав Французского королевства наследственные земли Плантагенетов всегда обладали особым правовым статусом. Собственно разногласия между французскими и английскими королями по поводу статуса Аквитании чаще всего и становились причинами вооруженных конфликтов между двумя странами на протяжении XIII–XIV вв. Не вдаваясь в перипетии политической истории, напомним лишь, что требования английской стороны в отношении Аквитании были полностью удовлетворены договором в Бретиньи 1360 г. По его условиям, Аквитания признавалась суверенным владением английских королей. Эдуард III и его наследники продолжали настаивать на соответствующем статусе герцогства даже после возобновления войны за французскую корону. На протяжении всей войны Аквитания мыслилась неразрывно связанной с Англией. Такое положение должно было сохраняться независимо от того, кому принадлежала корона Франции. Сами гасконцы также настаивали на своей независимости от Франции, демонстративно ее подчеркивая. Например, после 1340 г. сенешали Гаскони продолжали использовать старую английскую печать, в которой отсутствовали лилии⁴⁴. Прибывая в Англию, гасконцы пользовались теми же правами, что и англичане, в частности, могли приобретать недвижимость.

Гораздо более драматично складывались отношения Англии и Нормандии. Можно было бы предположить, что английская пропаганда в этом регионе также будет ссылаться на общее историческое прошлое, представляя английских королей потомками нормандских герцогов и играя таким образом на патриотических чувствах нормандцев. Действительно, как явствует из анализа документальных и нарративных источников, в XIV–XV вв. нормандцы не только мыслили себя жителями региона, обладающего собственным правом, отличным от законов Франции, но и народом, который по крови и языку отличается от французов. При этом в отличие от других крупных областей Франции (Аквитании, Бретани, Бургундии, Шампани и пр.) Норман-

⁴⁴ *Chaplais P. Essays in Medieval Diplomacy and Administration. L., 1981. Ch. 1. P.84; English Medieval Diplomatic Practice. Ed. by P.Chaplais. L., 1975–1982. Vol.1. Part. 1. P.154–155.*

дия не имела «национального» правителя — лидера, который мог бы стать для своих подданных символом нации.

Английские хроники и пропагандистские песни свидетельствуют о том, что после 1347 г. Эдуард предъявлял притязания на Нормандию не только как король Франции, но и как наследник Нормандских герцогов⁴⁵. Анализ титулатуры Эдуарда в хартиях и статутах не позволяет определенно судить о том, позиционировал ли он себя в качестве наследника Вильгельма Завоевателя или же претендовал на Нормандию как на часть Франции. Впрочем, в 1353 г. в Великом совете король обсуждал именно притязания Плантагенетов на Нормандское герцогство, желая противопоставить их посягательствам Капетингов⁴⁶. Обычно это заявление рассматривают, как доказательство готовности Эдуарда отречься от своих прав на французскую корону ради суверенитета над английскими континентальными держаниями. Между тем необходимо помнить о том, что Эдуарду не так уж и выгодно было отделять претензии на Нормандию от притязаний на французскую корону. Дело в том, что ему приходилось считаться с притязаниями Карла Злого, короля Наварры, чьи права на эти земли были более очевидными, и которого к тому же поддерживали нормандские бароны. После мира в Бретиньи английские посягательства на Нормандию временно прекратились. Вновь это герцогство было названо наследными землями Плантагенетов лишь в 1395 г.⁴⁷. Правда, вскоре Ричард II и вовсе отказался от идеи войны с Францией, после чего перешел к мирным переговорам, завершившимся его браком с французской принцессой и длительным перемирием.

С определенной уверенностью можно говорить о том, что на протяжении всего XIV в. претензии английских королей на суверенное владение Нормандией носили формальный характер. Более того, чаще всего они вообще не артикулировались. В этот период в широких слоях английского общества прочно укоренилось враждебное отношение к нормандцам. Население Южной Англии, постоянно страдавшее от набегов французов и нормандцев, регулярно снаряжало небольшие экспедиции для отмщения врагу или же с целью предотвратить новые нападения. Типичным является рассказ Томаса Уолсингема о том, как в 1378 г. англичане из Уинчелси и Рая, напали на побережье Нормандии,

⁴⁵ См., например: John of Bridlington // *English Political Poems*. Vol.1. P.153, 155.

⁴⁶ *Rotuli Parliamentorum*. Vol.2. P.252; *Omrod W.M.* *England, Normandy and the Beginning of the Hundred Years War, 1259–1360* // *England and Normandy in the Middle Ages*. Ed. by D.Bates and A.Curry. L., 1994. P.203.

⁴⁷ *Palmer J.J.N.* *England, France and Christendom, 1377–1399*. L., 1972. P.170.

чтобы отобрать у французов «свое добро»: «во время этого набега они вернули многое из того, что было украдено из Рая, в том числе колокола, которые были унесены из церкви и оловянную посуду»⁴⁸. Строчки из анонимной поэмы «На перемирие 1347 г.» наглядно демонстрируют принадлежность Нормандии к стану врагов англичан. Предсказывая успех новой военной кампании Эдуарда III поэт обещал, что вскоре:

Фландрия будет смеяться, Англия — петь, Франция — рыдать,
Шотландия — скорбеть, побежденная Нормандия — дрожать в страхе.
Англия будет радоваться, дикая Пикардия — страдать,
Париж — гореть, слава Аквитании станет широко известной⁴⁹.

Взойдя на английский престол, Генрих V сразу же выдвинул притязания на суверенное владение наследными землями во Франции, вслед за Ричардом II существенно расширив их список по сравнению с условиями мира в Бретињи. В 1414 г. в Вестминстере был созван парламент, на котором «все лорды королевства обсуждали то, что Нормандия, Гасконь и Гиень, принадлежавшие королю по праву наследования (*enheritaunce*), были несправедливо и без всякого на то права захвачены королем Франции». В письме к «французскому кузену» Генрих «требовал вернуть свое наследство» — земли, «которыми владели его предки»⁵⁰. Последовавшие вскоре военные успехи, приведшие к покорению Нормандии, способствовали тому, что сам английский король, члены его совета, а также далекие от высокой политики подданные перестали воспринимать заявления о суверенных правах на это герцогство в качестве лишь формальных требований. Начиная с ноября 1417 г. Генрих официально использовал титул герцога Нормандского⁵¹.

Идея возвращения или обратного завоевания Нормандии потомками тех, кто высадился на английском побережье в 1066 г. вместе с герцогом Вильгельмом, фактически лежала на поверхности. Но разработкой ее занимались скорее историографы, а не король или члены его администрации. Хронисты не только подробно рассказывали о генеалогии Генриха, возводя ее к Эдуарду Исповеднику и Вильгельму

⁴⁸ Walsingham. Vol.1. P.366–367.

⁴⁹ On the Truce of 1347 // English Political Poems. Vol.1. P.54.

⁵⁰ An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V and Henry VI. Ed. J.S.Davies. Camden Society, vol. 64 (1856). P.39; Capgrave. P.309; The Brut.Vol.2. P.375, 552; Elmham Thomas. Liber Metricus de Henrico Quinto // Memorials of Henry the Fifth. Ed. C.A.Cole. L., 1858. P.103.

⁵¹ Curry A. Lancastrian Normandy: the Jewel if the Crown? // England and Normandy in the Middle Ages. Ed. D.Bates and A.Curry. L., 1987. P.248.

Завоевателю, но и всячески подчеркивали родство английской и нормандской знати. Исторические сочинения полны анекдотов о том, как жители взятых англичанами городов благодарили небо, когда узнавали в завоевателях потомков нормандских рыцарей⁵². Славный продолжатель историографической традиции Сент-Олбанса Томас Уолсингем в 1419 г. завершил посвященный истории Нормандского герцогства труд «Описание Нормандии» («Ypodigma Neustriae»).

В этот период многие англичане начали активно восстанавливать свои генеалогии, возможно, в надежде получить что-то из «наследства» предков⁵³. Генрих V действительно широко наделял завоеванными землями своих соратников, однако, при этом он никак не пытался соотносить эти пожалования с наследством предполагаемых нормандских родственников. Впрочем, надо отметить, что в королевский фонд поступали земли, конфискованные исключительно у явных сторонников Валуа, поэтому полное возвращение ленов предков было бы просто невозможно осуществить. В некоторых дарственных хартиях короля указывалось, что феодальные ренты должны выплачиваться 1 августа, что приурочивалось к дате высадки английских войск на побережье в 1417 г., ставшей началом его герцогского правления. Возможно, что сама эта дата — праздник вериг Св. Петра, день чудесного освобождения апостола из тюрьмы — была выбрана не случайно: таким образом отличавшийся особым благочестием Генрих мог намекать на освобождение Нормандии из-под власти Валуа⁵⁴.

До конца 1419 г. Генрих предпринимал настойчивые попытки принудить своих французских противников уступить ему Нормандию в полное суверенное владение⁵⁵, однако следует отметить, что в официальных документах титул герцога Нормандии использовался вместе с титулом короля Франции, не подменяя его. Не всегда понятно, как сам Генрих трактовал завоевание: требовал ли он подчинения от жителей Нормандии как их герцог или как король Франции. По мнению некоторых специалистов, власть над Нормандией была для него лишь следствием права на власть во всей Франции⁵⁶. Действительно, кроме единственного упоминания в «Хронике Нормандии» о том, что на службу в Руанском соборе в 1419 г. Генрих явился в герцогском облачении,

⁵² The Brut. Vol. 2. P.404.

⁵³ Ibid. P.534–537.

⁵⁴ Curry A. Op. cit. P.247.

⁵⁵ Allmand C. T. Henry V. L., 1968. P.132.

⁵⁶ Curry A. Op. cit. P.247.

нет сведений об организации каких-либо пропагандистских акций с целью подчеркнуть значимость герцогского титула⁵⁷. В своих прокламациях и хартиях Генрих V довольно часто ссылался на восстановление прав, унаследованных им от предков, но под этими предками могли подразумеваться не только нормандские герцоги, но и французские короли. Например, в хартии о вольностях Руана он подтвердил все грамоты, выданные не только герцогами Нормандии из числа английских королей, но и всеми французскими королями вплоть до Филиппа Валуа⁵⁸.

Убийство герцога Бургундского 10 сентября 1419 г. изменило политическую ситуацию и расстановку сил. Теперь английский король не согласен был довольствоваться даже полным удовлетворением своих требований 1414 г. Его успех был оформлен подписанием «окончательного мира» в Труа. 18 параграф этого договора передавал Нормандию Генриху в пожизненное владение на правах полного суверена. Однако после предполагаемой французской коронации Генриха герцогство Нормандия и другие «завоеванные земли» снова возвращались под юрисдикцию и в подчинение Франции⁵⁹. Таким образом, этот договор определял Нормандию в качестве части Франции, а не как особое владение английских королей. Напротив, отсутствие упоминаний в договоре о Кале и Гаскони свидетельствует о том, что эти территории получили подтверждение своего статуса «английских земель», закрепленного еще миром в Бретињи. Следовательно, Генрих владел ими на правах английского короля, в то время как Нормандию он получал на правах наследника французской короны подобно тому, как Капетинги или Валуа жаловали ее в качестве аппанажа своим сыновьям.

Тем не менее, в сознании англичан идея воссоединения Англии и Нормандии стала чрезвычайно популярной. Например, повествуя о мире в Труа, хронист Джон Хардинг заметил: «Нормандия и Гиень навечно передавалась ему и его наследникам, королям Англии»⁶⁰. И даже после 1422 г. Нормандия продолжала восприниматься англичанами как нечто иное, чем все Французское королевство. Несмотря на договор в Труа и коронацию Генриха VI в Париже в 1431 г., территории, которые оставались под английским контролем в Нормандии

⁵⁷ Les croniques de Normandie, 1223–1453. Rouen, 1881. P.XII.

⁵⁸ Foedera. Vol.4. Pt. 4. P.82–83.

⁵⁹ « La duchié de Normandie et les autres et chacun liex par lui conquis ou royaume de France seront soubz la jurisdiction, obeissance et monarchie de la couronne de France». Cosneau E. Les grands traités de la Guerre de Cent Ans. P., 1889. P.100–115.

⁶⁰ Hardyng, John. The Chronicle. Ed. H.Ellis. L., 1812 (repr. 1974). P.379.

и Гасконии трактовались исключительно как «*rays subgiel au royaume d'Angleterre*». Более того, в отличие от своего старшего брата, который после провозглашения его наследником французского престола начал придерживаться традиционной централизаторской политики французских королей, герцог Бедфорд, регент Франции при малолетнем Генрихе VI, всячески поощрял нормандский сепаратизм. Например, в 1423 г. им был назначен сенешаль Нормандии — новая должность, напоминавшая о прежних вольностях герцогства, которыми оно обладало до 1204 г. Основанный в 1432 г. университет в Кане также символизировал независимость региона от Парижа. Возможно, Бедфорд осознавал зыбкость положения своего племянника на французском престоле, а посему делал ставку на английский суверенитет над Гасконью и Нормандией. Примечательно, что все сепаратистские поползновения регента строго пресекались Парижским парламентом, настаивавшем на точном соблюдении мира в Труа⁶¹.

Тем не менее, после смерти Генриха V английская администрация делала все для укрепления «братских отношений» англичан и нормандцев. Когда в 1430-е гг. в Нормандии был введен запрет на вербовку иностранных солдат, население «английских территорий» было уравнено в правах с теми, кто принадлежал к «английской нации» («*nascion d'Andgleterre*»)⁶². После конгресса в Аррасе 1435 г. даже бургундцы отмечали, что в Нормандии правосудие и сбор налогов никак не связаны с властью французского короля⁶³. В правовом отношении Нормандия, как и Аквитания, уподоблялась Уэльсу и Ирландии — землям, которые теоретически не входили в состав Английского королевства, но были, однако, неотделимы от него⁶⁴.

После 1417 г. многие англичане приобрели недвижимость и переехали жить в Нормандию. Феодалы и дома в городах могли быть пожалованы непосредственно королем, но также, что особенно важно, приобретались путем браков с нормандками или же просто покупались. Нескольких лет хватило для того, чтобы англичане, получившие

⁶¹ *Allamand C.T.* Lancastrian Normandy, 1415–1450. Oxford, 1983. P.122–151.

⁶² *Curry A.* The Nationality of Men-at-Arms Serving in English Armies in Normandy and the Pays de Conquête, 1415–1450: A Preliminary Study // *Reading Medieval Studies*. 1992. P.141, 155–156.

⁶³ *Bossuat A.* Le Parlement de Paris pendant l'occupation anglaise // *Revue Historique*. 1963. T.229. P.35, note. 1; *Curry A.* Lancastrian Normandy. P.238.

⁶⁴ *Griffiths R.A.* The English Realm and Dominions and the King's Subjects in the Later Middle Ages // *Aspects of the Late Medieval Government and Society: Essays Presented to J.R.Lander*. Ed. J.G.Rowe. Toronto, 1986. P.83–105.

собственность или держание в Руане, Кане, Арфлере или других городах, начинали именовать себя «горожанами» данного города. Новый статус оформлялся и юридически: англичане, обладавшие *lettres de la bourgeoisie*, официально переставали считаться переселенцами (*arrivistes*)⁶⁵. Примечательно, что в отличие от XIV в. теперь англичане считали выгодным для себя вкладывать деньги в недвижимость в Нормандии. Даже солдаты гарнизонов, несмотря на запрещающие указы, старались заниматься предпринимательской деятельностью и скупать недвижимость в городах Нормандии⁶⁶. В период правления Генриха VI все земельные пожалования специально оговаривались условием обязательного проживания получателя в Нормандии. Продавать недвижимость англичанам разрешалось исключительно соотечественникам⁶⁷.

Вплоть до 1450 г. большинство английских держателей в Нормандии и не помышляло о возвращении на родину. Самым надежным способом интегрироваться в местное сообщество оказался брак. Многие предпочли остаться во Франции и после 1450 г., присягнув на верность Карлу VII⁶⁸. Но даже после изгнания англичан из региона в официальных документах и исторических сочинениях английские авторы продолжали говорить о «Нормандии и Франции», а не просто о Франции⁶⁹. В преподнесенной в 1475 г. в дар Эдуарду IV Йорку «Книге благородных» Уильям Уорчестер отметил, что: Генрих V «хотел герцогство Нормандию прежде всего и лишь затем королевство Францию»⁷⁰. Даже в середине XVI в. епископ Джон Бейл продолжал именовать утраченные в 1449–1450 гг. провинции Нормандия, Анжу и Мен «старым наследством, принадлежащим издревле королям Англии»⁷¹.

⁶⁵ *Massey R.* Lancastrian Rouen: Military Service and Property Holding, 1419–1449 // *England and Normandy in the Middle Ages*. Ed. D. Bates and A. Curry. L., 1987. P.274.

⁶⁶ В 1419 г. был издан запрет солдатам селиться в городах (Public Record Office, C 64/11, m. 25d.). В 1423 г. герцог Бедфорд также издал ордонанс, согласно которому солдатам запрещалось селиться за пределами гарнизона — в городе или за городской чертой (*Rowe B.J.H.* Discipline in the Norman Garrisons // *English Historical Review*. 1931. Vol.46. P.201–206; *Pollard A.J.* John Talbot and the War in France, 1427–1453. L. — New Jersey, 1983. P.81; *Massey R.* Op. cit. P.276–280.

⁶⁷ *Allmand C.T.* Lancastrian Normandy. P.54–55.

⁶⁸ *Ibid.* P.79–80.

⁶⁹ *The Brut*. Vol.2. P.471, 503; *Rotuli Parliamentorum*. Vol.5. P.177–182.

⁷⁰ *The Boke of Noblesse*. Ed. J.G.Nichols. L., 1860. P.40–41.

⁷¹ *Six Town Chronicle*. Ed. R.Flenley. Oxford, 1911. P.128.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что рассмотренный материал свидетельствует о весьма любопытной эволюции отношения англичан к Франции и отдельным ее провинциям. На протяжении XIV в. вражеская территория воспринималась в Англии, главным образом, в качестве источника добычи и славы, война же в целом оценивалась как залог процветания и благополучия Английского королевства. Своеобразным воплощением и даже символом подобного восприятия стал мифологизированный образ известного бригаанда Роберта Ноллиса, представавшего на страницах хроник и в сознании современников истинным героем своего времени, притягательным примером обретения богатства и высокого социального положения благодаря военным подвигам.

Источники же XV в. отражают значительные сдвиги в отношении к Франции как на уровне королевской политики и пропаганды, так и в коллективном сознании. Подписанный в Труа мир 1420 г. сделал на какое-то время весьма реальной перспективу подчинения Франции власти «законного» короля из династии Плантагенетов. Однако с каждым годом эта перспектива становилась все менее определенной. Осознав все сложности на пути сохранения французского наследия для своего венценосного племянника, регент Франции герцог Бедфорд попытался хотя бы утвердить английский суверенитет над Нормандией. Изменения в политике повлекли за собой и изменения в ментальной сфере. Если в XIV в. англичане были склонны оценивать Нормандию как источник опасности и органичную часть вражеского королевства, то в XV в. она описывалась уже как совершенно особая область, фактически независимая от Франции и исконно связанная с Англией. Происходила актуализация английского исторического прошлого, в первую очередь памяти о Вильгельме Завоевателе и державе Плантагенетов. Многие англичане, получившие держания и собственность в Нормандии, предприняли попытку обосноваться там надолго. Наиболее характерным и ярким примером такой поведенческой стратегии стало нежелание вновь прибывших покидать новое место жительства даже после поражения Англии в войне и прихода в Нормандию французских войск. Быстрота ассимиляции и укоренения англичан на территории французской провинции дает основание также задуматься об условности национальной идентичности в рассматриваемый период, что, впрочем, заслуживает отдельного исследования.